

С. С. Губаева

ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ – ПРОЦЕСС ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ

Выход в свет “Этнического атласа Узбекистана” – событие, несомненно, знаменательное, и хотелось бы поздравить коллектив авторов, конечно же, вложивших немало труда в эту книгу¹. Если бы не ряд существенных недостатков. Один из них, на мой взгляд, – желание полностью отмежеваться от того, что было сделано в этом направлении советскими учеными. Во всяком случае, в статье А. Ильхамова “Археология узбекской идентичности”, посвященной узбекам, это желание чувствуется особенно остро.

Авторы “Этнического атласа” (думаю, что в предисловии к книге отражена позиция не только А. Ильхамова, написавшего его, а всего коллектива) исходили из того, что “следует подвергнуть фундаментальной ревизии “этногенез” всех... наций и народностей (Центральной Азии. – С.Г.), поскольку канонизированная история каждого народа в регионе несет на себе отпечаток мифологизации”². Цель начать работу по “археологическим” изысканиям “истоков национальной идентичности народов Центральной Азии”³ – в общем неплохая. И такая попытка была сделана А. Ильхамовым в статье об узбеках. Но удачно ли?

“Было бы наивным представлять, – пишет А. Ильхамов, – формирование узбекской нации как “объективный” естественно-исторический процесс. На самом деле процесс формирования современной узбекской идентичности следует рассматривать в тесной взаимосвязи с образованием Узбекской ССР, а также в значительной степени как результат сложения усилий правящих и культурных элит”⁴. И далее автор обвиняет не только советскую власть, подчинившую своим интересам формирование среднеазиатских наций, навязавшую им, в частности узбекам, современные самоидентификации, но и ученых, которые сыграли в этом деле, как пишет А. Ильхамов, “важную обслуживающую роль”. Причем делает он это, на мой взгляд, в совершенно недопустимом тоне.

Как известно, все официальные идеологии – всего-навсего “стратегические приспособления к требованиям исторического момента”⁵. О том, что и в других современных обществах “существует тесная связь между инстанциями власти, гуманитарными науками и национальной идентичностью”, пишет со ссылкой на работу М. Фуко “Археология знания” и сам А. Ильхамов⁶. А если это так, то стоит ли так уж непримиримо обвинять советскую власть, ее идеологию в том, что она подчинила решение этого вопроса своим интересам. Она делала свое дело. И только. Делала свое дело и советские ученые (а среди них было немало специалистов высочайшего класса), насколько это возможно, честно и добросовестно. И не их вина, что они были вынуждены учитывать и интересы государства, интересы господствующей идеологии (как всегда и везде, а не только в нашей многострадальной стране). Особенно досталось от А. Ильхамова А.Ю. Якубовскому, которого он обвиняет в “селективном формировании” узбекской истории⁷. В частности, А. Ильхамова не устраивает мысль А.Ю. Якубовского о том, что история узбекского народа началась не с конца XV – начала XVI в., когда Среднюю Азию завоевали даштикипчакские узбеки, а гораздо раньше.

Не вступая в дискуссию по поводу того, прав или не прав был А.Ю. Якубовский, осмелюсь обратиться к самому А. Ильхамову. Разве даштикипчакские узбеки на рубеже XV–XVI вв. пришли на пустое место? Разве не жило в это время в Среднеази-

Стелла Ситдиковна Губаева – доктор исторических наук, специалист по этнографии Средней Азии.

атском междуречье (Мавераннахр) ирано- и тюркоязычное население с высокой культурой и богатыми традициями? Разве не было у даштикипчакских узбеков – кочевых скотоводов, поселившихся в городах и селениях завоеванных народов, – возможности для тесных контактов с исконными жителями региона, в частности с издавна оседлыми сартами, что привело со временем, через восприятие элементов материальной и духовной культуры, бытовых особенностей, к слиянию части даштикипчакских узбеков с покоренным населением? Конечно же, были.

Например, в Ферганской долине о пребывании представителей многих даштикипчакских племен и родов, таких как тама, кият, уч-уру, ябу, месит, чарт-кесар, каракуйлы, чувуллак, тукбай, карабура, тартулы казаяклы, балгалы, иргайлы, туджа, лингони, каракальтак, наджемес и многих других, можно судить только по письменным памятникам и топонимии, поскольку они давно слились с издавна оседлым населением региона – сартами⁸.

Этническая консолидация, приводящая по истечении определенного времени к “созданию” народа, – процесс, осмелюсь возразить А. Ильхамову, объективный, естественно-исторический, хотя и очень длительный. И происходит эта консолидация в результате развития между различными группами (этническими, территориальными, сословными и пр.) социально-экономических и культурных контактов и связей на протяжении веков. Для Средней Азии, где издавна сосуществовали оседлые земледельцы и кочевые/полукочевые скотоводы, взаимодействие между ними было, как писала в свое время крупнейший специалист по этногенезу и этнической истории узбеков Б.Х. Кармышева, “одним из самых существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и *этнического* (курсив мой. – С.Г.) развития Мавераннахра эпохи феодализма”⁹.

Вместе с тем, основной, пожалуй, причиной сближения, а затем и слияния даштикипчакских узбеков с оседлым населением Среднеазиатского междуречья стало вынужденное оседание первых. И началось это оседание уже в XVI столетии. Как писал автор XVII в. Махмуд ибн-Вали, в большей части деревень близ г. Андижана в Ферганской долине обосновались даштикипчакские узбеки¹⁰, что является свидетельством оседлого их состояния в этот период. Изменение хозяйственно-бытового уклада бывших скотоводов, связанное с переходом к оседлой жизни и занятию земледелием, привело к постепенному изменению и пищевого рациона, и типа жилища, и одежды, а со временем и элементов духовной культуры. При этом способы ведения земледельческого хозяйства, строительства жилищ оседлого типа, образцы и способы кроя новой одежды, приспособленной к оседлой, а не кочевой жизни, приготовление новых, не привычных для кочевника-скотовода блюд они, естественно, заимствовали у своих соседей – сартов¹¹.

И этот процесс имел место не только в Ферганской долине. Как писала опять-таки Б.Х. Кармышева, “в конце XIX – начале XX в. потомки даштикипчакских узбеков, находясь в тесном взаимодействии с окружающим населением и смешиваясь с ним, обрели общий культурный облик жителей Мавераннахра, хотя в какой-то мере сохраняли многие черты своей традиционной культуры и свои говоры”¹². Так что напрасно иронизирует А. Ильхамов, когда пишет, что “архитекторы новых национально-государственных образований ссылались на естественно-исторические процессы сближения узбеков и сартов, основанные на полном переходе даштикипчакских узбеков к оседлому образу жизни и стирании таким образом граней между теми и другими”¹³.

Спору нет, современная идентификация узбекского народа – продукт усилий советской власти. Поскольку этническая разноплановость (как и многоукладность) общества, существовавшая в стране в тот период, создавала немалые трудности для дальнейшего строительства только что созданного государства, она (советская

власть) занялась проведением национального размежевания и созданием национально-государственных образований.

Но одним декретом и желанием определенных кругов превратить бесчисленное множество родо-племенных, территориальных, сословных и прочих групп, отличающихся друг от друга материальной и духовной культурой, хозяйственно-бытовым укладом, в единый народ (реальный, а не фиктивный) довольно трудно, если не невозможно. Трудно чисто механически интегрировать разнородные группы. Можно ли кочевника по указанию свыше заставить жить не в юрте, а в доме оседлого типа? Можно ли заставить его есть непривычную пищу, одеваться в иные одежды, говорить на чуждых наречиях только при помощи декрета? Сомневаюсь. Для объединения всех этих разнородных групп необходимы были и немало объективных, прежде всего социально-экономических факторов, и время.

Национальная политика государства – лишь один из факторов, пусть и довольно мощный. Советскому государству эта политика удалась в значительной степени потому, что уже была подготовлена почва для этого всем предыдущим ходом развития консолидационных процессов. К концу XIX – началу XX в., позволю себе снова процитировать Б.Х. Кармышеву, “несмотря на то, что каждая из указанных групп узбеков (имеются в виду три субэтнуса будущего узбекского народа: сарты, потомки тюркских и тюрко-монгольских племен, прибывших в Среднюю Азию задолго до появления здесь даштикипчацких узбеков, и потомки последних. – С.Г.) имела свои особенности, в их языке, материальной культуре, обычаях и обрядах было много общего, что отличало их от соседних народов и, вне всякого сомнения, позволяло говорить о единой узбекской народности”¹⁴.

Усилия царской, а затем советской администрации значительно ускорили процесс дальнейшей консолидации узбекоязычного населения не только “изобретением” новой этнической номенклатуры, которая значительно упрощала и сокращала множественность идентификаций (территориальных, родо-племенных, сословных и пр.), но и реальными действиями в области дальнейшего развития экономики края и создания здесь развитой экономической инфраструктуры. А это стало следующим серьезным фактором, стимулирующим естественные (повторяю, естественные) процессы объединительного характера вообще и консолидационного в частности. Еще более усилили и ускорили процессы этнической консолидации, конечно же, национально-государственное размежевание и создание союзных и автономных республик, в том числе в Средней Азии. Хотя даже и к настоящему времени не до конца изжита определенная обособленность некоторых групп в составе узбеков.

Хороша ли, плоха ли была политика строительства наций в Советском государстве – это особый вопрос. Но объективно она привела к очень неплохим результатам, а именно: мы имеем в Средней Азии вполне сформировавшиеся народы со своим самоназванием, четким самосознанием и собственными государственными образованиями. Что же касается самоназвания “узбек”, то для современных носителей этого этнонима совершенно безразлично, когда, как и почему он появился в качестве их самоназвания. Для них это уже не имеет значения. Они прожили с этим самоназванием почти 100 лет и чувствуют себя вполне комфортно, называя и осознавая себя “узбеками”, гордятся тем, что они “узбеки”. А значит, становление этноса состоялось.

Действительно, становлению среднеазиатских этносов, и в этом можно согласиться с А. Ильхамовым, содействовали и советские ученые. Но которые не только выполняли “социальный заказ”, а, насколько это возможно в условиях цензуры, ограничений, тематической заданности, честно и добросовестно относились к изучению народов Средней Азии, собирая по крупицам и восстанавливая их историю, воспитывая тем самым в них гордость за свой народ. Прекрасное владение местными языками и их диалектами, знания обычаев, этикета, психологии жителей, что помогало

в сборе интересного, а главное – достоверного этнографического материала (которым, кстати, воспользовались и авторы “Этнического атласа Узбекистана” за неимением своего), изучение и использование письменных памятников, архивов и других источников, а также литературы сделало их труды классическими, без которых дальнейшее изучение народов Средней Азии просто невозможно.

Советские ученые собирали камни. Не раскидать бы их сейчас.

Примечания

¹ Основные положения этой публикации были отражены в статье автора “К истории изучения этнического состава населения Ферганской долины” // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004.

² Ильхамов А. Предисловие // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 9.

³ Там же.

⁴ Ильхамов А. Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. С. 288.

⁵ Herzfeld M. Cultural Intimacy: Social Poetics in Nation-State. L., 1997. P. 5. См. также: Тишков В.А. О феномене этничности // Этнограф. обозрение. 1997. № 3. С. 16–18. Там же приведена и обширная литература.

⁶ Ильхамов А. Археология узбекской идентичности. С. 295.

⁷ Там же.

⁸ Губаева С.С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983. С. 60–67.

⁹ Кармышева Б.Х. “Кочевая степь” Мавераннахра и ее население в конце XIX века (по этнографическим данным) // Сов. этнография. 1980. № 1. С. 46.

¹⁰ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. Ташкент, 1977. С. 17.

¹¹ Подробнее см.: Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. (этнокультурные процессы). Ташкент, 1991, С. 11–29, 40–58. Сарты, как известно, сформировались в результате длительного смешения древних ираноязычных племен Среднеазиатского междуречья и тюркоязычных племен, проникавших в этот регион начиная с конца I тысячелетия до н.э. Именно этим объясняется удивительный феномен “неопределенности этнической самоидентификации”, распространенный среди таджиков Узбекистана, о котором пишут П. Финке и М. Санчак (Финке П., Санчак М. Таджики // Этнический атлас Узбекистана. С. 201). Оба эти автора склонны объяснять данный факт “прагматическим отношением” к вопросу своей идентичности. Но О.А. Сухарева и Б.Х. Кармышева, которые изучали этот вопрос, отмечали, что таджики называют себя “узбеками” не только при сборе официальных сведений, а даже в условиях “доброжелательного контакта и доверия” (Сухарева О.А. Бухара. XIX – начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 125). Думается, они были правы, когда объясняли этот факт тем, что их информанты осознавали себя единым этносом, но говорящим на разных языках (Там же. С. 127).

¹² Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976. С. 210.

¹³ Ильхамов А. Археология узбекской идентичности. С. 283.

¹⁴ Кармышева Б.Х. Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 20. См. также: Массон В.М. Культурное наследие и национальный вопрос // Вопр. истории. 1989. № 5. С. 63.